

Муктупавелс
Зигфрид.

(124). 07. 03
(исаб)

Зигфрид МУКТУПАВЕЛС:

«Я — это спрятанный я»

Экран и сцена —
2003. — июль (№ 24) —
416

Впервые я услышала Зигфрида Муктупавелса на песенном конкурсе «Юрмала-88». Помню и его программу («Ночь» и «Время народа» Яниса Лусенса), и нестандартный по тем временам облик (волосы до плеч, сережка в ухе), и впечатление, которое он произвел. Впечатление было такое: казалось, красивый и сильный голос летит прямо в космос, разгоняя облака. И когда Зигфриду дали лишь второе место, не отрывавшиеся вместе со мной от телевизора музыканты московской группы «Свет» завопили от возмущения. «Политика, — смущенно объяснил мне впоследствии один из членов жюри. — Ну как было в третий раз давать Гран-при прибалту?» Сам-то прибалт сказал тогда, что Малинин был ярче, а он ничуть не обижен. И даже попросил у публики прощения за то, что не спел лучше.

Московские музыканты Зигфрида не забыли и до сих пор слушают: привозимые из Риги альбомы приходится переписывать раз по двадцать. И каждый раз выслушивать: вот, жаль, что латвийские музыканты не приезжают к нам на гастроли, жаль, жаль... С удовольствием процитирую первое впечатление от встречи с Зигфридом maestro Паулса из книги «Мелодия в ритме жизни»: «Его необычно смурной образ, неожиданно красочный и сочный баритон (а иногда даже бас), голос, как говорится, со слезой в звучании, какими-то былинно-средневековыми полутонами, игра на скрипке в ритмических традициях рок-музыки откровенно поразили собравшихся. Этот синтез казался настолько необычным, что я наблюдал за его игрой с нескрываемым любопытством, особенно когда музыкант начинал необыкновенно артистично играть на скрипке ритм, а в какой-то момент скрипка даже оказывалась у него за спиной, но Зигфрид продолжал играть».

Вот так. Это было в 1987 году, на фестивале «Лиепайский янтарь», где «Зодиак» Яниса Лусенса, украшенный таким вот солистом, победил суперпопулярных в Латвии «Ливов». А о том, как все началось и как произошла встреча Лусенса и Муктупавелса, ставшая поворотным моментом в жизни Зигфрида, рассказал мне уже он сам, много лет спустя.

— Я родился в Сигулде. Отец работал учителем в школе, мать — медсестрой. Первое музыкальное впечатление? Как мама поет колыбельные песни. В семь лет сам захотел играть на скрипке. Потом — сам расхотел. В 10 лет, когда другие ребята играли на улице, а ты должен заниматься...

— Подолгу занимался? Часов по пять?

— Нет-нет. Полчасика, час. Ну, когда расхотел, родители заставили. А потом — опять самому понравилось.

Забегая вперед, скажу: «сам» — ключевое слово в характере Зигфрида. Сам захотел, сам всего добивался, когда было трудно, еще подростком сам зарабатывал на жизнь, играя на вечеринках, сам научился и пению, и даже своей нынешней работе продюсера — в музыкальном издательстве Mic Res, представителе ЕМИ в странах Балтии, где приходится часами монтировать то, что связано со звуком и обработкой звука на компьютере.

К директору музыкальной школы в Сигулде Аине Салмане Зигфрид сохранил уважение на всю жизнь. И уже в качестве продюсера выпустил альбом, где его первая

учительница вместе с семейным ансамблем исполняла народные песни. А вот дальше, после окончания музыкальной школы, ему пришлось несладко. Представьте себе преподавателя, который говорит такую фразу: «Самое большее, на что ты можешь рассчитывать, — это играть на кладбище». Представили? Нет? А ведь это было. Но юное дарование после такого приговора музыку не оставило и в местную реку Гаюю не бросилось, а отправилось в городе Лиепая с твердым намерением доказать, что способно на большее. И там ему наконец повезло. Такой уж это город — Лиепая. Когда к нему подъезжаешь, всегда начинается дождь. Оттого и музыканты, наверно, растут там, как грибы. Взять, к примеру, органиста Гарри Гродберга, или тех же «Ливов», или Родриго Фоминса. В столь же знаменитом, как и сам город, Лиепайском музыкальном училище Зигфрид попал к педагогу Людвигу Бертвскому. И тут уж получасом не обошлось.

— В 8 утра у педагога, четыре часа только гаммы и этюды, обед, опять четыре часа занятий на скрипке. Вечером слушали музыку, играли в шахматы и пили вино. По общеобразовательным предметам получал одни единицы, зато играл сольно с симфоническим оркестром. Был внутренне настроен на серьезную классическую карьеру. Хотя параллельно играл в рок-группах на скрипке и клавишах, сочинял свои вещи, потихоньку начал петь. Однажды нас услышала сестра Яниса Лусенса. Потом он позвонил мне и предложил прийти поиграть.

Жизнь снова сделала выраз. Любимый учитель и защитник умер, выпускной экзамен — четыре с плюсом. Словом, в консерваторию Зигфрид так и не попал. Зато попал в легендарный «Зодиак». Укротитель синтезаторов Янис Лусенс пригласил Зигфрида петь и играть на скрипке в музыкальном спектакле «Мама и нейтронная бомба» (по одноименной поэме Евгения Евтушенко), чисто студийная до той поры группа «Зодиак» обрела стабильный состав, был записан альбом Dedication (выпущен на CD в 1996-м), где в изысканных инструментальных композициях Лусенса зазвучала — то трагически, то нежно, то ликующе — скрипка, а также — сочинения в совершенно другом стиле, песни, которые Зигфрид исполнял сольно и в дуэте с Майей Лусеной. С «Зодиаком» Зигфрид много поехал по свету. Шесть лет профессионального опыта и долгая плодотворная дружба с композитором Лусенсом, продолжающаяся по сей день.

В начале 90-х «Зодиак» распался, оставив после себя — увы, не столь объемистый, как хотелось бы — фонд замечательных записей, и в жизни Зигфрида началось совсем другой период: история группы Bet Bet и совсем другая музыка. Впрочем, об этом чуть позже.

Сначала хочется вспомнить еще одно музыкальное событие 1988 года. Это был «Лачплесис», рок-опера Зигмара Лиепиньша и Мары Залите, рок-опера, которую можно считать родоначальницей жанра, успешно цветущего сейчас на латвийской музыкальной сцене. История про захват средневековой Латвии ордами крестоносцев была одобрена легендами и мистикой, а с музыкальной точки зрения представляла собой крутую смесь хард-н-хэви с фольклорными интонациями. Ощутил ли Зигфрид, что с ним снова поступили несправедливо, доверив главную роль, легендарного эпического героя — Иго Фоминсу, а ему — роль главного злодея Ликцепуре, а попросту дьявола?

— Нет. А разве Ликцепуре у меня не получалось?

Получился, получился. Если зло на самом деле может быть таким, то я нам не завидую. Сдадимся без единого выстрела. Глубоко, мягко и мощно звучал голос Зигфрида, обволакивал, забирая душу, выключал разум. Проницательный, таинственный, уютно-циничный Черный Эльф в красно-золотом костюме, с ласковым взглядом змеи.

Чем он взвал душу Кангара? Завистью, всего лишь. И лестью: «Кангар, ты сам такой умный и смелый». Откуда он, тогда двадцатитрехлетний, взял все это? Извне? Изнутри? Из общечеловеческой души, которую священник Александр Мень называл «Адамом», и где, по слухам, собрано все счастье мира и все его грехи и пороки? На своем десятилетии, исполненный теми же актерами в концертном варианте — без декораций, в обычных костюмах, — «Лачплесис» доказал, что хорош и без сценической оправы. Двойной альбом с записью рок-оперы, между прочим, тоже очень неплохо.

А вот творчество группы Bet Bet, появившейся весной 1991-го, было совсем уже из другой оперы. Бойкие песенки с забавными текстами, музыка — смесь кантри с софт-роком, симпатичная самоирония в вокале и немного скрипки. Но почти в каждом альбоме были, однако, две-три баллады с текстами глубокими, метафоричными, и удивительно красивыми мелодиями. Музыку, как правило, писал Зигфрид, стихи — давний соратник Гунтар Рачс. Четверка музыкантов (к Зигфриду и Гунтару присоединились гитарист Угис Тирзитис и басист Айвис Калванс) сразу же уверенно двинулась вперед. Вскоре на вилле вышел альбом «Моя любимая девушка». После чего группа обзавелась подтанцовками, что по идее было, может быть, и актуально, но по виду — скорее комично. Удачи, однако, подкапывали к Bet-Bet с регулярностью морского прилива: Гран-при «Лиепайского янтаря» (1992), успех на конкурсе в Финляндии, стабильные первые места в местных хит-парадах. Четыре альбома. Песни, ставшие народными хитами: «Ты — ветер», «День», «На вечернем ветру», «Мой ребенок», «Кто бы мог подумать». И вдруг, — распад.

— Передышка нужна была, наверно. Нет, никаких финансовых проблем не было. Скандалов тоже. Просто передышка.

Передышка ознаменовалась выходом сольного альбома Зигфрида «Песня скрипки» (Vijoles Dziesma, 1995). Почти семиминутная композиция «Олива» — инструментальная молитва с крошечным вокальным эпизодом, где голос певца хватает считанные секунды, чтобы рассказать целую жизнь. Остроумное болеро «Кримулда». «Ангел» в интонациях средневековой этники. Когда виртуозно исполненный «Романс» Винавского, скрипичная классика. Во время передышки произошло еще одно событие — в том же 95-м вышла аудиоверсия мюзикла Раймонда Паулса и Мары Залите «Дикие лебеди». Это был шедевр maestro. Но в выходных данных кассеты «Дикие лебеди» не случайно третьей, после авторов, стояла фамилия Зигфрида: именно его аранжировки отшлифовали шедевр, а исполнение партии брата-лебедя придало мюзиклу трагическую глубину.

А между тем Bet Bet, воссоединившись, сразу начала удивлять слушателей. Вышел альбом Laiks iet («Время идет»): Зигфрид попробовал многое из того, на что способны современные музыкальные машины, но, впрочем, воспользовался электронными мозгами умеренно и мудро. Затем, взяв старые хиты Паулса и заново аранжировав их, выпустил альбом «Не упрекай меня».

Но когда группа, после продолжительного подготовительного периода, предложила публике новый альбом «Путь, которым идут» (2000), о нем заговорили не только поклонники, но и недоброжелатели. Говорить было о чем: отказавшись от технических экспериментов, группа сделала альбом неожиданно простой. С аскетичными оркестровками, минимизмом музыкально-выразительных средств, сдержанной манерой исполнения и прозрачным «дышащим» саундом. Что и заставило одних возмутиться столь вызывающей простотой, а других — заговорить о рождении новых «Битлз». Что ж, музыка, осно-

ванная на красивых мелодиях, — известный раздражитель. Непревзойденный мелодист Паулс, как известно, не раз отбивался от упреков в легковесности: «Все почему-то считают, что сочинить мелодию легко».

— Зигфрид, ты уже успел попробовать себя в самых разных жанрах и, похоже, совершенно свободно существуешь почти в любой стилистике. Мне вот только жаль, что не слишком часто играешь на скрипке. Так куда же все-таки ведет «путь, которым идут»?

— К свободе. Свободе творчества, человеческой свободе. Я не формулирую для себя жестко, что сейчас, вот в этот творческий период, буду работать в таком-то направлении. Я не планирую, не выбираю. Просто делаю то, что мне нравится.

— А какая у тебя цель в музыке?

— Цель — сама музыка. Не могу сказать, что буду стараться играть так, чтобы услышали, скажем, 10 миллионов. Я просто буду играть. И все альбомы, спектакли — это просто стечение обстоятельств. Когда собираются вместе люди, которые хотят что-то делать и им это нравится, — все продвигается само собой. А на скрипке я играю все так же. Играю просто потому, что мне нравится играть.

— Говорят, что пытаются повлиять на вкусы публики — все равно, что воспитывать из рыбы кошку.

— Ну неправда.

— Ты это делаешь?

— Стараюсь.

— А как?

— Вкус можно воспитать только искусством. Но искусство — это не насилие. У каждого человека есть свое восприятие искусства. Но если искусство откровенное и честное, тогда большинство его все-таки понимает.

— В твоей музыке ощущается потребность расширить собственные границы — своего сознания, своего видения.

— Да, я все время это делаю. Хочу или не хочу.

— Это трудный процесс?

— Это просто жизнь называется. А жизнь — это как кому: кому трудно, а кому — легко. Мне просто везет.

— Рок-оперу не хочешь написать?

— Нет. Я не композитор.

— А кто же ты?

— Исполнитель. Композитору нужно иметь много данных, таланта и совсем другие знания. Нет, я композитором не буду никогда. Мне нравится исполнять музыку. Аранжировать. Работать с ней на таком вот не сверхбольшом уровне.

Зигфрид получил театральную премию Латвии «Лучшему музыкальному актеру» за роль Поэта в рок-опере «Каупенс, мой любимый». История красавца-разбойника 20-х годов XX века, взятая из реальной жизни, и противостоящего ему Поэта — персонажа придуманного, одновременно и жестока, и трогательна. Музыка Яниса Лусенса — тончайшая полистилистика на хардвой основе, философская поэзия Мары Залите и — голос Муктупавелса, который каждый раз поет так, как будто от этого исполнения зависит его собственная жизнь.

Он по-прежнему играет на скрипке работы венгерского мастера XIX века Швайцера, которую когда-то спас — вытащил из огня. Вот так просто шел по улице, увидел костер из старых вещей, а среди них скрипка. Вытащил, отреставрировал.

Последняя по времени студийная работа Зигфрида — альбом 2002 года Violets («Фиолетовый»), где он исполняет композиции Яниса Лусенса на стихи культовой латышской поэтессы Аустры Скуйни. Это очень благородная работа, музыка для слушания на долгие годы. А еще ждут своего часа лежащие в «загашниках» звукозаписывающих фирм кантата Лусенса «Как нежно жальший куст роз» и «Страсти по Матфею» Юрия Кулакова — современная духовная музыка; Муктупавелс поет, по слухам, фантастически.

Он несуетлив, немногословен, скрытен. Любит в одиночку побыть на природе. Иногда играет в хоккей. Написал однажды сам о себе: «Я — это спрятанный я».

— Почему в твоей музыке столько боли, страдания?

— Ну... это красота. Человеческие чувства.

— Это — счастье.

— Боль — это счастье?

— Испытывать эмоции — это счастье.

Маргарита БЕЛАЯ
Фото автора